

Книги Романа Злотникова
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

**СОБОР
РУССКИЕ СКАЗКИ
ЭЛИТА ЭЛИТ**

Цикл
«БЕРСЕРКЕР»

**МЯТЕЖ НА ОКРАИНЕ ГАЛАКТИКИ
БОЙЦЫ С ОКРАИНЫ ГАЛАКТИКИ
ПРИНЦЕССА С ОКРАИНЫ ГАЛАКТИКИ**

Цикл
«ГРОН»

**ОБРЕЧЕННЫЙ НА БОЙ
СМЕРТЕЛЬНЫЙ УДАР
ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА
ПРЕКРАСНЫЙ НОВЫЙ МИР
ПОЩАДЫ НЕ БУДЕТ**

Цикл
«ВЕЧНЫЙ»

**ШПАГИ НАД ЗВЕЗДАМИ
ВОСТАВШИЙ ИЗ ПЕПЛА
И ПРИШЕЛ МНОГОЛИКИЙ...
ПОСЛЕДНИЙ РЕЙД**

Цикл
«ИМПЕРИЯ»

**ВИВАТ ИМПЕРАТОР!
АРМАГЕДДОН**

Цикл
«АРВЕНДЕЙЛ»

**АРВЕНДЕЙЛ
ГЕРЦОГ АРВЕНДЕЙЛ
АРВЕНДЕЙЛ. ИМПЕРАТОР ЛЮДЕЙ**

В соавторстве с Александром Воробьевым

РОНИН

В соавторстве с Антоном Красновым

**ЛЕННАР. СКВОЗЬ ТЬМУ И... ТЬМУ
ЛЕННАР. КНИГА БЕЗДН
ЛЕННАР. ПСЕВДОНИМ БОГА
ЛЕННАР. ЧУЖОЙ МОНАСТЫРЬ**

В соавторстве с Олегом Маркеловым

КРЫЛО АНГЕЛА

В соавторстве с Сергеем Мусанифом

**ВСЕЛЕННАЯ НЕУДАЧНИКОВ
МАНЕВРЫ НЕУДАЧНИКОВ
ШАНС ДЛЯ НЕУДАЧНИКОВ**

(в двух томах)

В соавторстве с Антоном Корниловым

Цикл
«РЫЦАРИ ПОРОГА»

**ПУТЬ К ПОРОГУ
БРАТСТВО ПОРОГА
ВРЕМЯ ТВАРИ**

(в двух томах)

ПОСЛЕДНЯЯ КРЕПОСТЬ

(в двух томах)

В соавторстве с Даниилом Калининным

**РОГОРА. ДОРОГОЙ ВОССТАНИЯ
РОГОРА. ПЛАМЯ ВОЙНЫ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

РОМАН ЗЛОТНИКОВ,
ДАНИИЛ КАЛИНИН

РОГОРА. ПЛАМЯ ВОЙНЫ

РОМАН

Москва, 2019
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
3-68

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1192

Художник
И. Воронин

Злотников Р. В., Калинин Д. С.

3-68 Рогора. Пламя войны: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 281 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2997-4

Два года назад отгремела битва у Львиных Врат, и Рогора завоевала независимость. Молодое королевство стремительно развивается и набирает силу, а Аджей Руга наслаждается тихим семейным счастьем в редкие, свободные от службы минуты — принц-консорт служит Родине на границе со степью.

Но Республика не смирилась с потерей южной провинции. Сейм возглавил герцог Бергарский, герой Лангазской войны. Его хитрость и изворотливый ум не уступают храбрости — и Рогору ждут внезапные и сокрушительные удары...

Уцелее ли молодое королевство в пламени войны? Хватит ли мужества и стойкости его защитникам выстоять в борьбе с превосходящим врагом?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Злотников Р. В., Калинин Д. С., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2997-4

ПРОЛОГ

*Весна 760 г. от основания Белой Киш¹**
Каменный предел, «Орлиное гнездо» — цитадель Вагадара,
вождя горцев

Часовой, дежурящий на вырубленной высоко в скалах площадке, в очередной раз окинул невидящим взглядом ближайший подступ к плато. А чего ради всматриваться-то в опостылевший пейзаж, да еще несколько часов кряду? «Орлиное гнездо» — название раскинувшейся у его ног цитадели говорит само за себя. Сама природа создала идеальную, практически неприступную крепость высоко в горах, окружив обрывистыми скалами небольшое плато с разветвленной системой пещер у южной «стенки». Врата — узкий, словно змея петляющий между двумя кручами проход, укреплен рублеными башнями и толстенными воротами из редкого здесь дуба. А тропинка-серпантин, ведущая к вратам из расположенной внизу долины, последние шагов этак пятьсот—шестьсот истончается до тоненькой полоски, на которой и один рослый мужик помещается с трудом!

И чего ради Вагадар загнал его, ветерана многих славных схваток (в том числе штурма Львиных² и Волчьих Врат³!) на эту верхотуру? Только птиц гонять, да и то они так высоко гнезда не выют... Следить за возможным врагом? Да разве рискнет кто напасть на ближнюю дружину Вагадара (целых полторы сотни отборных рубак!), укрытую в столь неприступной крепости! Нет, конечно, у вождя есть повод для бес-

* См. Примечания в конце книги.

покойства: в последнее время вечно недовольные его усилением шакалы из клана Саалдара чересчур активизировались. Но разве сумеют они сделать хоть что-то с полусотней отборных бойцов вождя, вооруженных лучшими трофейными самопалами? Вой убыли еще с седмицу назад, и уже со дня на день стоит ждать их победного возвращения...

Неторопливые, несколько удрученные мысли стража спугнули показавшиеся на тропе люди. Старый воин уже двинулся к набатному барабану, разом сбросив меланхолическую оторопь и мгновенно превращаясь в себя настоящего — яростного бойца, безжалостно крушащего врага здоровенным двуручником, но... Но на тропе показалась всего дюжина горцев, размеренно и без всякого напряжения следующих к вратам цитадели.

«Ракичи», — только и подумал страж, вновь привычно расслабляясь. Привычно именно для этого поста. Не для схватки.

Между тем ракичи (а это могли быть только они — представители небольшого горского клана, что всю жизнь поддерживал предков Вагадара и первыми пошли под его руку) все так же неспешно приближались к воротам по своим торговым делам. В последнее время отары их рода заметно разрослись, и покладистое племя повадилось продавать овечье мясо и молоко своему господину практически за так. Вот и в этот раз...

Гости поравнялись с воротами крепости. Дежурный десяток воев-воротников также не проявил никакого беспокойства, что убедило стража в правильности его догадки. Гулко вздохнув, он чуть расслабил мышцы и потянулся к бурдюку с простоквашей и кругу мягкого соленого сыра, что остались у скальной стенки.

И в то же мгновение, вздрогнув, бросился назад, к самому краю пропасти: у ворот грянул не то двойной, не тройной залп из самопалов! И еще один, и еще...

«Они что, с ума все походили?!» — промелькнула где-то на задворках сознания мысль, пока страж пытался понять, с чего вдруг вой-воротники открыли огонь по ракичам. В первое мгновение он еще не допустил возможности нападения со стороны гостей — мудрый и опытный Вагадар по окончании войны с лехами сумел изъять практически все ог-

нестрельное оружие, коим сумели разжиться на войне горцы. Нет, наиболее опытные и лояльные воины сохранили боевые трофеи, взамен вступив в его младшую дружину. Вождь рассадил их по ключевым крепостцам, фактически взяв под контроль всю обжитую землю племен. Оставшиеся же огнестрелы и самопалы были свезены в цитадель.

Однако первая мысль оказалась совершенно несостоятельна — страж понял это, разглядев стремительно приближающихся по тропе вооруженных воинов. До того они скрывались за поворотом горной кручи, а теперь... а теперь спешили на помощь к тем, кто отчаянно резался с защитниками ворот.

Через мгновение старый боец сбросил оцепенение, на долю секунды сковавшее его при виде атакующих крепость горцев, — а это были именно горцы. Узловатые мышцы на сухом жилистом теле вздулись, и страж с кошачьей ловкостью бросился к набатному барабану, подхватив било. Еще через мгновение над цитаделью раздался мерный рокот ударов, предупреждающий защитников крепости об опасности.

С той же кошачьей грацией страж подхватил один из трех заранее заряженных кремневых огнестрелов, покоящихся на специально вытесанной полке, и, тщательно прицелившись, потянул за спуск. Первый же враг, вступивший на узкую часть тропы, сломанной куклой свалился в пропасть — страж достал его на предельной дистанции для огнестрела. Довольно ухмыльнувшись, он подхватил второй, прицелился, потянул за спусковой крючок — и, легко выдержав немалую отдачу тяжелого длинноствольного оружия (лехи стреляли из него только с упора, но куда им до физической мощи горцев!), вновь радостно осклабился: следующий противник, вскрикнув, сорвался вниз.

Страж еще успел отметить странные белые облачка, откуда ни возьмись появившиеся среди атакующих. Они были так похожи на дым сгоревшего пороха...

Звуки выстрелов он не услышал. Просто в единый миг давно возмужавший воин превратился в маленького карапуза, которого так любил подбрасывать в воздух отец. Почему вдруг? Но ведь именно это давно забытое ощущение невесомости, полета стало последним, что почувствовал в своей жизни страж.

Для Вагадара этот день начался столь же бестолково, как и предыдущие три. Он проснулся голым, с трудом разомкнул веки и, не в силах встать, прополз по мягким шкурам снежных барсов к невысокому столу. Однако вождь не сумел преодолеть и половины пути, как его самым банальным образом вывернуло наизнанку.

Как ни странно, после очистился не только его организм, но и мозги, и в первый раз за последние три дня горец захотел не вина — с которым так легко было впасть в спасительное забытие, — а просто воды. Желательно ледяной, из горных водопадов, берущих начало на вершинах ледника, — так чтоб зубы ломило! Эх!

С неприязнью взяв кувшин с вином, Вагадар брезгливо опрокинул его уже на испорченные шкуры, после чего припал к кадушке с прохладной водой. Живительная влага, устремившаяся по гортани к желудку, приободрила горца, и, оставив кадушку, вождь потянулся к небрежно брошенному у стенки мечу. Лишь ощутив родную тяжесть двуручного клинка в руке, Вагадар вновь почувствовал себя прежним — воином, чья воля, сила и удача подчинили ему все горские племена. И ведь это было главной его целью, его главным достижением — сплотить все племена в единый народ, обеспечить безопасную торговлю, что в разы ускорила бы развитие ремесел и, как следствие, общую культуру! А уж там можно было бы подумать о создании государства — настоящего государства! Княжества или, быть может, даже царства! Царь Вагадар I, сам построивший свое царство!

Он уже немало прошел по выбранному в жизни пути, немало сделал для достижения цели. Когда-то несбыточная мечта, совсем недавно она казалась ему уже не столь нереальной, а вполне достижимой. И если раньше он шел вперед, лишь предполагая, что когда-нибудь, быть может, кто-то из его многочисленных отпрысков продолжит дело отца... то совсем недавно ему показалось, что главный успех в жизни, материальное воплощение мечты замаячили где-то на горизонте.

Но три дня назад... Три дня назад его воины перехватили лазутчика старейшин, что должен был объявить его людям волю Совета. Вагадар сам допросил его...

Совет объявил Вагадара вне закона гор!!!

Обычно это означало только одно: законы гор более не оберегали провинившегося, фактически проклятого самыми авторитетными судьями кланов, и каждый, кто захотел бы, мог его безнаказанно убить, отобрав понравившееся имущество или завладев приглянувшейся женой-наложницей. И теперь старейшины поставили его вне закона, после чего даже самые верные воины не имели права ему служить!

Конечно, лазутчик умер. Умерли и схватившие его — как ни было жаль Вагадару, он просто не мог позволить даже слуху просочиться сквозь стены цитадели. Он убил их своей рукой — воинов, что многие годы прикрывали его спину в бою... И самому себе Вагадар мог честно признаться: их смерть была продиктована не столько необходимостью, сколько его собственным страхом — в те первые минуты, когда он узнал волю Совета.

И это мучило его, изжигало все последние три дня — по сути, не меньше, чем страх за свое дело.

Нет, о своем, вероятно, скором конце Вагадар не переживал — он давно презрел смерть, как и большинство горцев после первой настоящей рубки. Но вот за свое дело, за свою мечту — за них он боялся по-настоящему.

Поэтому перед тем, как впасть в пьяно-бредовое состояние, он успел послать гонца Когорду, бросить в карательный рейд на клан Саалдара самых жестоких своих воинов, которые просто не станут никого слушать — им же разрешили убивать, — да отдал приказ об усилении бдительности в цитадели. После чего гнев, страх, стыд за кровь верных воинов на собственных руках все же сломили его. Тогда, три дня назад, он уже не верил, что сможет выиграть...

А сейчас?!

А сейчас Вагадар лишь свирепо усмехнулся. Как бы то ни было, но без боя он не сдастся. Он ведь прекрасно понимает, в чем его обвиняют и какой грех он совершил. Во-первых, допустил, что его союзник пролил кровь в Сердце гор⁴, священном для всех племен месте, а во-вторых, объединив горцев, сражался за чужие интересы, да с немалыми потерями среди своих. То, что в Сердце гор периодически резали караваны лехов и что участники последней войны вернулись с не-

бывалой добычей (равную долю которой разделили как между живыми, так и погибшими, надежно обеспечив их семьи), — все побоку.

Но старейшины, люди действительно мудрые и весьма опытные, хорошо знали жизнь. И пока неоспоримая мощь, подавляющая в Каменном пределе сила, была сосредоточена в руках Вагадара — они лишь глухо роптали, не пытаясь, однако, открыто противостоять. Да, они видели в Вагадаре угрозу своей власти и авторитету — и угрозу далеко не надуманную. Но до поры до времени он умело защищался теми же законами гор, постепенно набирая силу. Когда же его воины вооружились самопалами рогорцев и Вагадар собрал дружины горцев в единый кулак силой — старейшины промолчали, обескураженные столь внезапным для них поворотом событий. И то, что сейчас они пошли на открытое противостояние, вовсе не жест отчаяния, когда некуда отступать. Вагадар уже двадцать лет шел к своей цели и вполне мог подождать еще немного — пока нынешние независимые старейшины не впадут в старческий маразм и на их место не придут те, кто целиком и полностью будут зависеть от вождя. Он давал им еще и время, и некоторую власть, не желая ломать сложившиеся устои и обострять конфликт. И они до поры до времени принимали эти условия. Пока в горах не появился новый игрок...

Вагадар мог поклясться всем святым, бывшим в его жизни, что новый, умелый и сильный противник появился в горах совсем недавно, месяцев шесть назад. И что это точно не Саалдар и не подобные ему относительно независимые вожди. Нет, он уже давно догадывался что к чему — и потому послал к Когорду уже трех гонцов. Вот только... Вот только ни один из них не вернулся.

Грянувший со стороны ворот залп самопалов послышался Вагадару лишь легким, ненавязчивым шумом — его покои в пещерах располагались довольно далеко от входа. А вот удары часового в набат расслышал отчетливо. И сразу понял — шестым чувством опытного, умудренного жизнью хищника, — что этот день станет последним. Что он действительно проиграл свою партию, и последние три дня... Впрочем, хотя бы сегодня он обрел ясность сознания. С удивлени-

ем Вагадар отметил какую-то легкость на душе, на миг ощутил необычную для самого себя свободу — свободу распоряжаться своей жизнью не ради воплощения цели, а ради обычной воинской чести.

И хищно оскалился.

Когда вождь вывел полсотни воинов из пещер во внутренний двор цитадели, противник уже сумел потеснить его дружинников от ворот и занять как надвратную галерею, так и башни. Вагадар бросил взгляд на дозорную площадку, где стоял набатный барабан, но никого на ней не увидел. Направив туда трех лучших стрелков (больше на ней все равно не поместится), он бегом повел оставшихся к месту схватки.

— Огнестрелами — бей!

Ведомые вождем дружинники успели довольно неплохо снарядиться. Выстроившись пусть и в ломаную, но шеренгу, они дали залп поверху голов сражающихся, снеся роем свинца врага, занявшего надвратную галерею.

— Вперед! Самопалы к бою!

Протиснувшись сквозь плотный строй дерущихся в узком проходе, свежие дружинники разрядили во врага по паре кремневых (а у кого и колесцовых⁵) самопала, сократив численность врага еще как минимум вдвое. После чего Вагадар выхватил двуручник и с яростным ревом повел воинов в рукопашную схватку.

Удар дружинников вождя был страшен — у них, ведомых живым знаменем, воином, не знавшим поражения в боях, словно выросли крылья. Их клинки замелькали вдвое быстрее, сея смерть и панику среди врага.

Вагадар же, яростно орудуя мечом, пробивался к воротам. В его сознании уже забрезжила пьянящая надежда на спасение — закрыть врата, перебить противника во внутреннем дворе, очистить башни... После чего с их количеством огнестрелов можно продержаться на изрядных запасах еды и пороха сколько угодно. По крайней мере до того момента, как придет помощь.

А она обязательно придет...

Мощный удар сверху вниз — и противник с перерубленным черепом подламывается в ногах, оседая перед свирепым

вождем. И тут же блок клинком сверху, парируя атаку секиры; мгновенный перевод слева направо, сбрасывающий топорщице с меча, — и стремительный укол, пронзивший плоть врага чуть ниже шеи.

Нырок под размашистый, рубящий удар — и сталь двуручника разрубает мышцы под ребрами противника. Следующий враг просто не успел поставить блок — бросок Вагадара вперед и его удар были чересчур стремительны даже для горца. Только голова подлетела вверх, навсегда прощаясь с туловищем...

Торжествуя, вождь бросился к освободившимся створкам ворот — и замер, не в силах пошевелиться. С противоположной стороны на него уставился черный зев орудия. Через мгновение его ослепила вспышка, ставшая последним, что увидел в своей жизни вождь горцев, — картечь разорвала его тело на множество кусков.

Великий ковыль, курултай торхов⁶

Шагир-багатур

Барабаны... Барабаны... Их ровный, мерный рокот на протяжении вот уже нескольких дней все сильнее выматывает душу; они гремят словно не в стороне от шатра вождей, а прямо в голове, в висках. И где-то там, в глубине сознания, мне отчего-то кажется, что их ровный, мерный бит посвящен не курултаю, а торжественным похоронам. Моим похоронам.

Рокот резко оборвался. Салем-багатур, за старость и мудрость назначенный старшим над собранием вождей, медленно встал и неторопливо, с достоинством, все еще сильным голосом произнес:

— Сегодня курултай выносит решение! Итак, вожди, есть два основных предложения: собраться и напасть на рогорцев или пойти в поход на земли лехов! Шагир-багатур, выйди в круг вождей и еще раз скажи нам, отчего ты вынес свое предложение!

Барабаны вновь заревели, еще быстрее и громче; их грохот словно подтолкнул меня в спину, но я совладал с желанием ускорить шаг, выходя на середину круга-курултая. Нет, я вышел степенно, даже чуть медля, каждым незначительным жестом демонстрируя сидящим вождям полновесную уверенность в себе и своих словах. Иначе-то и никак, без подобных, пусть и мнимых, проявлений силы мои слова и слушать никто не станет...

— Вожди! Достойные из достойных, первые в своих родах! За время курултая мы слышали немало дельных — и не очень — предложений. Но мы отказали Заурскому султанату⁷ собрать силы и идти воевать на берега южных морей, за чужой для нас интерес султана. Мы отказались от набега на ругов, потому что знаем, что их витязи встретят нас на самой границе степи и что поход этот обернется большой кровью. Мы это знаем. Но разве не говорил я вам, что Когорд-багатур создал не менее сильную стражу на границе Рогоры⁸, чем руги на своих землях? И скольких воинов мы потеряем в схватках со всадниками рогорцев?!

Круг вождей отозвался глухим ропотом на мои слова, но, уважая традиции курултая, все они, даже Салах-багатур, мой самый яркий и последовательный враг и противник на Совете, сдержали свои чувства. Поэтому я в очередной раз продолжил, силясь достучаться до их здравого смысла:

— Однако Когорд-багатур обещает дать нам еще больше оружия, что вы видите на поясах моих воинов! У каждого из десятка моих верных батыров имеется пара колесцовых самопалов — а если в кочевьях так будут вооружены не десяток лучших бойцов, а как минимум сотня?! А ведь рогорцы за поход на лехов также обещают богато заплатить зерном. И если мы обойдем Каменный предел с востока, то вполне можем захватить ту часть южного гетманства⁹, до которой не добрались в предыдущем походе. Пока лехи опомнятся и соберут достаточно сильное войско, мы разорим земли их кметов¹⁰, заберем богатства шляхты¹¹ и вдоволь насладимся белокожими телами их сладких баб!!!

Молчание. Давящее молчание стало ответом на мой призыв. Игла страха больно кольнула сердце, но показать свое волнение здесь и сейчас все равно что дать команду «фас!»

своре голодных псов. Нет, я лишь легонько кивнул Салему и, дождавшись его утвердительного кивка, столь же неторопливо и независимо удалился к своим воинам. В конце концов, это уже не первый курултай и не первый отказ вождей принять мое предложение. И не раз было так, что, отказавшись раз десять, на одиннадцатый вожди принимали мои доводы.

— А теперь пусть выступит Салах-багатур!

Ну вот уже и его очередь... Учжерде... Если бы Когорд не дал в свое время приказ стрелять по бегущим с поля боя торхам¹², то просто проиграл бы битву. Пустая мысль и пустой разговор, трезвомыслящие вожди понимают правоту Когорда в битве и мою невиновность как вождя походной орды — ведь я не давал команды отступать, воины сами ослушались приказа. Но одно дело голова, а другое — чувство потери соплеменников, что так будоражит кровь горячих степняков, хоть рядовых воинов, хоть вождей.

И все же здравый смысл...

— Славные из славных! — Молокосос Салах, чуть ли не выбежавший на середину круга, едва не лопается от распирающих его чувств и с огромным трудом сдерживается, чтобы не перейти на крик (но голосок-то играет!). — Мы уже не раз слышали слова продавшейся рогорцам ехидны, что лишь по вашей милости по-прежнему признается вождем. Пролитая рогорцами кровь зовет нас мстить! Они предали нас в бою!! Они предали нас, напав на отряд моего брата и целиком истребив его!!!

— Да потому что твой брат был кровожадным скотом, истребляющим все живое на своем пути! И трусом, что вечно жался в битве в задних рядах!!!

— Шагир-багатур! Я призываю тебя сдерживать чувства! — Салем не на шутку рассержен, да и я хорош — не стерпел, нарушил обычай курултая из-за какого-то сопляка, опустился до его уровня мелочных оскорблений...

— Мой брат был торхом! Но я буду не прав, если стану уговаривать вас исходя лишь из собственного чувства мести. Нет! Все мы знаем, ради чего наш враг Когорд призвал всадников степи в свой прошлый поход — все рассчитав, он обезопасил себя от удара в спину. Чем тот поход кончился для нас?! Едва ли четверть бойцов вернулись к семьям, а всю до-

бычу, всех лучших лехских рабов, самых крепких мужчин и самых красивых и юных дев Когорд заставил продать за бесценнок, практически открыто пригрозив оружием! Разве это достойная плата за поход?!

Но что было после?! А после, пока чуть ли не в каждой нашей семье жены и матери оплакивали павших батыров, рогорцы вероломно вторглись в земли, что еще прадеды наших прадедов топтали копытами своих коней! В считанные седмицы они возвели в степи деревянные крепости, перекрыли всю границу Рогоры острогами и разъездами рейха-архан¹³, углубившись в Великий ковыль где на два, а где и на три дневных перехода! Это позор!

Учжерде! Вожди открыто поддерживают щенка громкими и одобрительными выкриками! Плохо дело! Между тем, выждав короткую паузу, Салах продолжил:

— И что предлагает нам старый шакал, с потрохами продавшийся рогорцам? Напасть на лехов, снова прикрыв спину Когорду?! Чтобы он, разобравшись с более сильным противником, смог опять развернуть клинки своих воинов против степи? Вновь углублялся в наши земли, возводя один за другим остроги, крепости, укрепленные поселения вооруженных пашцев?!

— Нет!!!

— Так давайте же сделаем правильный выбор, вожди! Объединим силы и вернем землю, что принадлежит нашему народу вот уже десяток поколений!

— Да! Да!!!

— Побьем рогорцев!

— Разорим грязных пашцев!!!

Сияясь сохранить ледяное спокойствие — единственное, что может хоть немного привести в себя разошедшихся вождей, — я взял слово, пусть и нарушив тем самым традиции курултая:

— Не забывайте, уважаемые вожди, о многочисленности стражи и мощи постоянной армии Рогоры. Они вооружены пушками, огнестрелами и самопалами, у них множество всадников, в том числе панцирных кирасир. Разве тягаться нашей легкой коннице с их войском?!

Салах ответил мне насмешливым взглядом и прежде, чем меня одернули, негромко, но так, что все услышали, произнес:

— В грядущей войне у всадников степи будет союзник. Могущественный союзник, что расплатится с нами куда честнее шакала Когорда! Верно я говорю, вожди?!

От оглушительного рева участников курултая заколыхались прочные, тканые из козьей шерсти стенки шатра; от него заложило уши, и он заставил встревоженно заржать кобылиц, оставленных у ближайшей коновязи. Уловив краем уха конское ржание, я вдруг понял, что сейчас еще не поздно верхом покинуть курултай и что есть силы устремиться в Рогору, предупредить Когорда...

Неспешно встав, я развернулся к своим воинам, жестом приказав следовать за собой, сделал шаг... и уперся в грудь Керима, высокого и статного батыра, неизменно сопровождавшего меня во всех схватках вот уже десять лет. Голос Салема, раздавшийся за спиной в разом стихнувшем шатре, словно ледяным вихрем обдал кожу на загривке:

— Курултай окончен!!! И законы его более не охраняют никого из вождей...

И тут же ему вторит визгливый крик щенка Салаха:

— Вот и все, тварь, сегодня ты заплатишь за кровь моего брата!!!

Кровь ударила в голову, вместо барабанов в висках забухали тяжелые молоты. Уже осознав, что я не успел, и бросив гневный взгляд на изменивших воинов, всем своим видом показавших, что более мне не повинуются, я в ярости развернулся к врагу:

— Так приди и возьми плату крови своей рукой, щенок! Коли не струсил!!!

Булатная сабля со свистом покинула ножны, привычным весом в руке придавая воинской уверенности. Ублюдок Салах не увидит окончания сегод...

Резкая боль в груди — и сразу ставшие хуже видеть глаза все же разглядели, как из солнечного сплетения вдруг выросла длинная полоска окровавленной стали. Из тела будто вырвали стержень, и все конечности в единый миг отказали: не-

меющая рука практически выронила саблю, а ноги предательски подломились в коленях.

В следующий миг очередная вспышка боли пронзила сознание — чужой клинок рывком вырвали из плоти. Мгновение спустя из горла извергнулся поток крови, во рту стало неприятно солоно и влажно... Последним усилием направляю клинок собственной сабли в землю и, опершись на нее как могу, выпрямляюсь, встав на колени перед медленно приближающимся Салахом.

— Не сомневайся, я возьму плату крови своей рукой!

Враг замахнулся для удара, и в последний миг я закрываю глаза, желая воскресить в память лицо дочери и только-только родившегося внука...

Часть первая

ЦЕНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА

ГЛАВА 1

*Лето 760 г. от основания Белой Кии
Окрестности Лецека, родовые земли короля*

Принц-консорт¹⁴ Аджей Руга

Дорога наконец освободилась из тисков обступившего ее леса, открывая вид на впереди стоящий город, живописное озерцо, раскинувшееся чуть в стороне... и я застыл как вкопанный, силясь справиться с наваждением. Неужели?! Неужели два года назад на этом самом месте я впервые встретил Энтару?! Неужели прошло уже целых два года, так много и так мало? И как же разительно они изменили мою судьбу...

Наши судьбы!

Едва справившись с нахлынувшими воспоминаниями, я с волнением взгляделся в противоположный берег озера — а вдруг?! Вдруг все повторится вновь, вдруг я вновь увижу огромного коня, бешено несущего крохотного седока?!

Нет... Там никого нет.

И хорошо.

Два года. Да, два года... Знакомство с Энтарой и стремительно захватившие чувства, борьба за свою любовь и служба в страже, воссоединение с возлюбленной и участие в восстании на стороне Рогоры. А что дальше?

А дальше ранение и близкая гибель, от которой меня спас тень — и по совместительству король новорожденного королевства. Да... Такое не забывается. Этот поступок Когорда разом смыл все зло и всю ложь, что были до того, и оставил за собой неоплаченный долг. Долг жизни и самого преданного служения сюзерену, запросто рискнувшего собой ради спасения зятя и вассала.

Аруг¹⁵ негромко всхрипнул — неизменный спутник и верный боевой товарищ, он отлично чувствует мое настроение, а учитывая те новости, что я решил лично доставить королю, настроение у меня самое поганое. Силиясь отвлечься от дурных дум, я вновь переключился на воспоминания.

После битвы у Волчьих Врат (банальщина, конечно, но именно так окрестили рогорцы сражение, в котором завоевали свободу) меня отправили восстанавливаться в заботливые руки понесшей жены, в коих я и пробыл более пяти месяцев. И это было самое счастливое время в моей жизни, иногда казавшееся мне необъятной вечностью, а иногда — кратким мигом.

Но пока я отлеживался в объятиях любимой супруги, поддерживаемый отцом на редких прогулках, Когорд строил свое королевство. Оставив значительные силы пикинеров¹⁶ и стрельцов в Волчьих Вратах и поставив над ними окончательно восстановившегося Торога, король двинул всю легкую конницу на границу со степью.

Идея была проста и практична: пока ослабленные огромными потерями «союзники»-торхи не восстановили силы, Когорд решил занять тот кусок приграничных плодородных земель, который входил когда-то в состав древнего княжества. Благо опыт освоения «ковылей» у короля имелся: не успели еще торхи покинуть наши земли, как по всему приграничью закипело строительство больших и малых крепостей. Собственно, их возведение началось еще до окончания войны: сдавшиеся на милость победителей пленные фрязи, разбитые по сотням, успели возвести малые деревоземляные укрепления с крохотными бастionsами на углах и рavelинами¹⁷ перед вратами. Настоящие крепостцы на манер военного искусства срединных земель... Систему из тридцати новых укреплений «уплотнили» двумя большими деревянными крепостями — именно теми, что Когорд якобы возводил на своей земле и недостроил. На самом деле они были отстроены... и разобраны до лучших времен. Вот времена и настали, и две уже фактически готовые крепости в кратчайшие сроки были возведены на новых местах. Гарнизоны их составили новоиспеченные стражи из Корга — из последнего набора, в который когда-то попал и я...

Кочевников ждал неприятный сюрприз, но особого возмущения не последовало: чуть более тысячи уцелевших торхов под формальным началом Шагир-багатура сопровождали около двух с половиной тысячи рейтар и бывших дружинников владетелей. Почему бывших? Да потому, что во время подписания мирного договора с Республикой Когорд между делом упразднил баронские и графские дружины, а уцелевших воинов пообещал расселить на новых, чрезвычайно плодородных (но столь же и опасных) землях. Обещание он сдержал, выделив рядовым бойцам столько земли, сколько каждый из них мог обработать, да еще и освободил от налогов на пять лет.

Владетели, формально сохранившие свои земли и власть над ними, были, конечно, против. Когорд незамедлительно продемонстрировал, что реальная власть находится в его руках, походя казнив отца и сына Лагранов, возмущавшихся больше прочих; видимо, предыдущий урок не пошел им впрок.

Захват древних земель Рогоры — деяние действительно великое, по-своему не уступающее победе над Республикой, — Когорд сумел воплотить в жизнь лишь за остаток осени и зиму. Весной же столетиями непаханный чернозем вновь познал плуг рогорца. Рывок в степь состоялся.

Единственным темным пятном на фоне успеха новоиспеченного короля стало бедственное положение тестя, Шагира. Да, степняки под его началом взяли богатейшую добычу, множество пленников (большинство из которых, впрочем, пришлось за бесценнок продать — Когорд в последний миг решил увеличить численность подданных). Но торхи затаили злобу еще после истребления особо лютовавшего кочевья. Огромные же их потери в боях и тот факт, что в последнем сражении рогорцы повернули оружие против побежавших союзников, озлобило степняков до предела... А рывок Рогоры в Великий ковыль стал последней каплей — в родные кочевья торхи уходили врагами.

Как итог, авторитет и популярность военного вождя Шагира-багатура растаяли словно снежная баба на летней жаре. Чтобы хоть как-то спасти родственника, Когорд выделил его воинам значительное количество трофейных самопалов с

кремневыми замками и даже с полсотни кремневых огнестрелов, а кроме того, тяжелое вооружение для латных всадников. Шагир в короткий срок перевооружил горстку сохранивших ему верность батыров и откочевал к самой границе с Рогорой, что принесло выгоду обоим родственникам: Когорд получил дополнительную защиту вновь освоенных рубежей, а Шагир — крепкую опору в тылу на случай серьезного противостояния с озлобившимися соплеменниками. В краткий срок степной вождь восстановил часть утраченного авторитета — ведь торхи прежде всего уважают силу, а благодаря поддержке Рогоры Шагир обрел немалую мощь. Вскоре к его кочевью присоединились многие из тех, кто по первости смалодушничал и бросил вождя, а также мелкие кланы, спасающиеся от кровной мести. Прошлой же осенью его кочевье пополнилось многими семьями, спасающимися от голода: в степи случился массовый падеж скота, а наши пашцы щедро и недорого продавали торхам Шагира зерно — естественно, по указанию Когорда.

Со стороны кочевья Шагира за обе осени не последовало ни одного нападения, не беспокоили соплеменники и королевского тестя. Так что очередное приглашение прибыть на весенний курултай, преподнесенное вождю с соблюдением всех обязательных традиций, Шагир принял относительно спокойно, не забыв, впрочем, известить Когорда. И вот по истечении всех мыслимых и немыслимых сроков проведения курултая кочевье Шагира без каких-либо объяснений (да даже короткой весточки от тестя!) снялось с обжитого места и удалилось в степь. Собственно, с этой новостью я и отправился лично к королю, временно пребывающему в Лецке...

Шум города, различимый еще на дальних подступах, становится оглушающим, а неприятный запах, различаемый уже за версту, и вовсе нестерпим. И как они умудряются выживать в этой вони? Неужели к ней можно привыкнуть? Хорошо хоть резиденцию королевской семьи возвели за городом...

Ближе к зиме, когда мы с отцом покинули Лецек, Энтара уже благополучно разродилась крепеньким малышом, непривычно серьезно смотрящим на окружающий мир. Поки-

дать ставшую особенно ласковой жену, чья любовь и нежность ко мне после родов только возросла, как и расставаться со сладко пахнущим карапузом было до жути тоскливо — но меня звал долг принца-консорта и приказ короля. От совсем уж смертной тоски меня спасало лишь присутствие отца, который, впрочем, так же глубоко переживал расставание с внуком. Но иного не дано — Когорд более не мог заниматься одним лишь освоением степного приграничья, его ждало целое королевство и сонм порой просто неразрешимых проблем, а Торог, назначенный главнокомандующим регулярной армией, спешно проводил военную реформу.

И надо сказать, что Когорд, всю свою жизнь посвятивший великим целям — завоеванию Рогорой независимости, освоению плодородной степи и провозглашению королевства во главе с ним самим, — по достижении их столкнулся с новыми сложностями и к некоторым из них был просто не готов.

Вдвое разросшийся город неумолимо приближается, отвратительная вонь отходов мастерских и шум работающих цехов становятся просто нестерпимыми. Но делать нечего, дорога к загородному дворцу короля ведет именно через Лецек.

Навстречу с широкой улицы выезжает куций обоз в три телеги. На передке первой повозки восседает немолодой уже купец, неприлично худощавый для своего сословия (а скорее общепринятого мнения о зажиточности и дородности купечества). Н-да, торговать у нас особо нечем — и скорее всего, повозки набиты исключительно недорогими ремесленными поделками, спрос на которые неизменно возрастает к предгорьям.

Когорд верил и верит, что только развитие ремесел и освоение новых технологий дают шанс Рогоре сохранить независимость и стать в будущем великой державой. Однако фундаментом для развития ремесел является предприимчивое и умное купечество, а оно в Рогоре не слишком многочисленно и, увы, никогда не имело должного потенциала. Не было в захудалой республиканской провинции и развитого ремесленничества, а тем паче мануфактур и заводов на ванзейский манер. Да, Когорд выбил весьма неплохие торговые условия при подписании мирного договора с Республикой,

но честности лехов хватило ненадолго. Всего три или четыре торговых каравана без особых сложностей добрались до рогов, после чего наши купцы стали просто пропадать. Лехи лишь разводили руками и указывали на разгулявшихся бандитов. Еще и набрались наглости просить заем на наемников, способных очистить их земли от разбойных гнезд! Что же касается рогов и фрязей, им целенаправленно ввели значительные налоги на транзит, обусловив недавно прошедшей войной и необходимостью уничтожения тех же разбойников. И сопредельные державы благоразумно предпочли торговать в приграничье Республики, благо что лехи предложили им весьма достойные условия. Так что в итоге никакого развития и подъема купечества не состоялось — о чем, собственно, и свидетельствует встреченный мною куций обоз и внешний вид умаявшегося пыльными дорогами торговца...

Соответственно приостановилось и развитие ремесел. В Рогоре было не так и много умелых рукодельцев, более половины которых перебрались в Корг еще до начала войны — все они трудились в степной страже. Когда же Когорд осознал, что буйного развития ремесленничества на местах не последует, он решил создать хотя бы единый его центр. Ведь только в таком случае наши умельцы имеют возможность изучать и внедрять в производство передовые технологии, а кроме того, имеют шанс изобрести что-то свое. Его выбор пал на Лецек — располагая, с одной стороны, неплохой дорожной развязкой, город и так уже принял многих мастеров, сформировавших собственную гильдию, а с другой — обладал значительным потенциалом для промышленного развития.

Что же, по всему видать, чутье и здравый смысл Когорда не подвели: всего за один год Лецек разросся вдвое (а возможно, уже и втрое), превратившись в солидный даже по республиканским меркам центр литейных и оружейных заводов, ткацких и кожевенных мануфактур, гильдий искусных каменщиков, кузнецов, столяров, плотников и даже художников. Только вонь здесь стоит страшная, и жуткий грохот не смолкает ни днем ни ночью, так что моей семье пришлось перебраться в летнюю резиденцию. Долгое время она

представляла собой лишь несколько охотничьих домиков старого барона, затерявшихся в окрестных лесах...

Создав единый производственный центр, Когорд решил проблему развития и освоения новых технологий, а также закрыл по большей части вопрос материального обеспечения армии. Проблему отсутствия купечества, а значит, и оборота готовой продукции, новоиспеченный король решил незамысловато и даже изящно, предоставив «мастерам Лецека» государственные заказы. А для равномерного обеспечения наших рукодельцев всем необходимым был установлен обязательный уровень достатка отдельно взятого работника, в соответствии с которым на общее число мастеров в Лецек начало поступать мясо, зерно, рыба, фрукты, молоко, приобретенные королем у своих же пашцев и скотоводов. При этом для стимуляции работы внутри гильдий была придумана особая ранговая система, по состоянию в которой мастер обеспечивается всем необходимым на том или ином уровне. Надо отметить, что гильдейское руководство получает значительно больше, чем простому человеку требуется для проживания и пропитания.

Однако при закупках того же зерна и мяса и вообще в процессе всех товарно-денежных отношениях внутри королевства вдруг выяснилось, что в Рогоре нет ни собственной валюты, ни единого стандарта, что мог бы ее заменить! По всей стране в ход шли и лехские кроны, и ругские руби, и заурские дахремы, и ценились они исключительно по весу драгоценного металла (золота или серебра), из коего изготовлялись. Самым же жутким стал тот факт, что на территории Рогоры нигде нет действующих рудников по добыче серебра или золота. А ведь провозглашение королевства и короля само собой подразумевают, что появятся и монеты собственной чеканки с профилем государя. И вот тут-то Когорд сел в лужу...

Первым делом он попытался изъять из оборота республиканские кроны, чеканящиеся из серебра. Сразу вопрос — а как? Недолго думая король приказал чеканить монеты с собственным профилем из железа и в честь бывшего баронства назвал их кораами — по его задумке стоимость новой монеты должна была стать адекватна стоимости республиканской кроны. Но не тут-то было! Народ просто отказался использо-

вать «корговы железяки» во всех торговых операциях, мелкие монетки собирались разве что на переплавку — да и то металл на них шел самый некачественный.

Тогда Когорд рискнул было волевым решением изъять все иностранное золото и серебро, пустив его в переплавку, — и первые же «собиратели» из королевской гвардии пропали. Просто пропали — да в светлые, погожие деньки, посреди улиц мало-мальски значимых городков и даже деревень... Ситуацию спас верный советник короля, Ларг, предложив закрепить за корами стоимость определенного веса зерна. Идея тут же себя оправдала, как только продажа и покупка королевского зерна пошла только на коры (королевский указ!), а последние перестали чеканить массово, втридорога меняя уже имеющиеся запасы на золото и серебро. Понемногу железный кор стал ходовой монетой с уже граничными значениями мены на кроны, руби и дехремы, и запасники Когорда вновь стали пополняться монетами из драгоценных металлов. Последние, впрочем, тут же переплавляли на золотые и серебряные коры, за которыми закреплялись новые значения веса все того же зерна. Правда, в оборот их пока не пускают...

— На караул!

Преградившие мне путь молодые бойчины только-только поступили на службу, и это сразу бросается в глаза — по тому, как неуверенно они держатся в седле и как неловко выхватывают сабли из ножен, и по глуповато-испуганному выражению на лицах после прозвучавшей команды ветерана-полусотника. Отряд новобранцев спешно перестраивается в две шеренги вдоль улицы, воздев над головой обнаженные сабли. М-да, как-то я не привык к столь пристальному вниманию к моей скромной персоне.

Впрочем, скромной ли? Ведь я теперь не только муж принцессы, но и цельный полковник (нововведение Когорда по подобию ванзейского войска), достаточно известный как в степной страже, так и в южных воеводствах.

А ведь сколько крови Когорду и Торогу попила армейская реформа...

Начать надо с того, что за время освободительной кампании мужское население Рогоры понесло значительные поте-

ри. Погибшими и тяжелоранеными, не способными не только вернуться в строй, но и утратившими всякую возможность прокормить семьи самостоятельно, выбыло порядка девяти тысяч здоровых, полноценных мужчин. Королевская армия сократилась до одиннадцати тысяч, что, скажем так, делало ее наступательные возможности совсем мизерными, а оборонительные снизило на порядок. Пока Рогора воевала с Республикой, объединившись с ордой, этих сил еще могло хватить, однако все понимали, что в следующий раз степняки не преминут ударить в спину. А в том, что последует новая война с Республикой¹⁸ и что она явно не за горами, Когорд даже не сомневался.

Фактически она началась с гибелью первого же нашего каравана на земле лехов. И хотя последние клянутся, что это дело рук разбойников, веры им нет никакой... Герцог Бергарский (теперь уже герцог!), славный герой обороны Тарга и Бороцкой битвы¹⁹, был вновь приближен королем. Он получил не только высший сановный титул, но и южное гетманство в личные владения, а кроме того, практически неограниченную власть, будучи избран сеймом верховным председателем. И нападения на наши караваны стали своего рода фундаментом для очередного витка его политической карьеры...

Объявив о необходимости борьбы с разгулявшимися разбойниками, Бергарский сумел убедить сейм в создании летучих отрядов профессиональных кавалеристов, наподобие регулярной армии. С той лишь разницей, что они не признавались как регулярная армия и не подпадали под изданные тем же сеймом эдикты, в свое время ограничившие численность коронного войска.

К слову, нападения случались не только на наших купцов, но именно наши караваны были вырезаны подчистую. Удары, следовавшие по отдельным деревням и поместьям шляхтичей, были, как правило, направлены против самых буйных и непокорных королевской власти. Когорд справедливо предположил, что большинство нападений были совершены людьми Бергарского с целью вызвать истерию внутри страны и получить добро на создание дополнительных вооруженных сил, мобильных и профессиональных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выдержка из работы Некара, придворного летописца барона Корга (глава 8):

«Древняя (Белая) Кия, столица былинной Рогоры, была огромным даже по современным меркам городом-крепостью с населением в несколько десятков тысяч человек. Неслучайно дата ее основания стала отчетной для летосчисления в Рогоре. На рассвете государства, в которое входили земли на десятки верст к северу от Каменного предела и к югу от степного кордона, столица расстроилась на семи холмах, освоение каждого из которых имело свою историческую веку. Таким образом, каждый из семи холмов был укреплен внутренней крепостью, чьи стены граничили друг с другом. Раскинувшиеся же на две версты от холмов посадки были в свое время окружены белокаменной (отсюда и простонародное название) стеной. Кия считалась неприступной — ведь, даже проравшись за обвод каменных стен, враг должен был штурмовать еще семь внутренних крепостей!

Однако пришедшие с востока великие торхи были приучены брать сильные каменные крепости еще в древней Чине. Рогора же к моменту нашествия кочевников представляла собой не единое и сильное государство с централизованной властью и многочисленной обученной ратью, а ряд враждующих между собой княжеств, чьи силы были представлены малочисленными дружинами.

Бату, внук Чигиза, легко крушил одну за одной дружины князей (двенадцать из восемнадцати уцелевших семей позже стали предками современных владетелей), пока не подошел к стенам Кии. В древней крепости укрылись сразу три князя с дружинами, подошли и уцелевшие воины, кто желал еще ратоборствовать с врагом; оружие в руки взял каждый боеспособный мужчина, от мала до велика. И теплилась еще тогда надежда, что Кия, белокаменная Кия выстоит, что о ее твердыню разобьется степное нашествие...

Но Бату имел иное мнение. В считаную седмицу окружавшие древнюю столицу леса были вырублены, и вокруг города был возведен крепкий частокол, что свел на нет любые попытки вылазок и лишил обороняющихся шанса нанести внезапный ночной удар. После чего кочевники приступили к обстрелу белокаменных стен из катапульта. Как только был обнаружен наиболее слабый участок стены, торхи стали забрасывать его огромными валунами из трибушетов. На седьмой день обстрела стена рухнула...

К пролому бросилась целая тумена* торхов и две из трех дружин поспешили к кочевникам навстречу. Выстроив стену щитов и подняв длинные копья, они остановили врага — бой в проломе длился целый день! Степняки попеременно бросали в бой целых три тумены — и не добились успеха!

Однако Бату был хитер и коварен. За частоколом, скрытно от защитников крепости, он возвел пять подвижных штурмовых башен и, когда рогорцы уже поверили в победу, двинул башни на штурм с противоположной стороны обвода стен. Одновременно на штурм пошла еще одна тумена со штурмовыми лестницами, прикрывали же атаку тысячи лучников.

На стенах врага ждали не профессиональные дружинники, а простые ополченцы с топорами, палицами да рогатинами. Они с мужеством приняли бой и на равных сражались с торхами, но последних было больше, гораздо больше... Враг уже затопил стену, уже черной была она от бесчисленных торхов в темных бронях, но в этот момент князь Роволд, признанный старшим из князей, бросил в бой последний резерв — собственную дружину. И рогорские ратники отчаянной контратакой выбили врага из города, очистили стену и сожгли штурмовые башни!

Бату же разъярился до безумия. До того он не желал разрушать Кии — он жаждал забрать богатства города и сделать его собственным данником. Но, расвирепев от мужества рогорцев, он приказал стрелять по Кии зажигательными снарядами из трибушетов. Они перелетали через стены и подожгли город. До последнего защитники стояли на стенах и в проломе — но в огне гибли их родные и любимые, а пожар грозил уничтожить деревянную Кию. И тогда многие бросили стену и пошли тушить огонь, не внемля приказам Роволда.

Князь же, осознав, что битва проиграна и Кия обречена, вывел остатки трех дружин за стены и ударил навстречу врагу. Всю ночь шла жестокая сеча, тьма обернулась днем — огонь, как говорят старцы-былинщики, достигал небес. Забрав с собой сорок сотен торхов, пал Роволд с дружинниками, и торхи хлынули в крепость...

Но Кия еще жила и еще боролась. Деревянные ее стены были во многом разрушены огнем, но многие и уцелели. Выжившие на пожаре защитники сражались яростно, уже не думая о собственной жизни. И когда торхи прорвались во внутренние замки, что защищали семь холмов, рогорцы сами подожгли остатки города со всех им доступных сторон. Второй пожар уничтожил и Кию, и целую тумену торхов, застрявших в огненной ловушке, и последних ее защитников, и жителей... Жар огня был столь страшен, что оплавил древние стены, заставив их обрушиться. Уцелели лишь древние «золотые врата» из не поддавшегося пламени известняка».

* Тумена — десять тысяч воинов.

² Выдержка из свитков Андруса, придворного летописца-хроника короля Когорда:

«С штурма Львиных Врат* началась война за освобождение Рогоры. Непрístupная крепость с постоянным гарнизоном в четыре тысячи воинов и вооруженная ста пятьюдесятью орудиями пала за одну ночь. Руд — воин короля, много лет прослуживший в Львиных Вратах под чужим именем, — провел подземным ходом горцев вождя Вагадара, числом две тысячи. Горцы же открыли ворота и впустили еще тысячу воинов из числа бойцов степной стражи**, что до того выдавали себя за торговый караван и расположились за небольшую мзду рядом с крепостью.

Несмотря на многочисленность и хорошее вооружение, достойное сопротивление леги смогли оказать лишь у пятой казармы крепости, а общие потери штурмующих составили около восьми сотен — три сотни воинов Когорда и примерно пять сотен горцев Вагадара. Захват крепости обеспечил тактическое преимущество Рогоры — король сумел провести армию сквозь горный проход и дать битву легиам в Сердце гор. Кроме того, захваченные в крепости трофеи позволили перевооружить королевскую армию, что во многом обеспечило победу в битве».

* Выдержка из работы Некара, придворного летописца барона Корга (глава 3):

«Тогда же леги заперли проход в Каменный предел замком Львиные Врата, навсегда закрыв торхам дорогу через горы. Уцелевшие владельцы Рогоры принесли королю легиам вассальную клятву взамен на военную помощь против кочевников.

Стоит признать, что совершили они великую глупость: давно забыв о родстве народов, леги более отсиживались за каменными стенами, чем помогали ратниками и оружием. Но, имея непрístupную крепость на земле Рогоры, они попеременно подчинили себе все лены.

Когда же ослабели торхи в междоусобной борьбе настолько, что не могли более собирать войска для крупного набега, в Рогоре уцелело двенадцать ленов и двенадцать владычных домов. Четыре более крупных, а потому графства: Лагран, Корхорд, Регвар, Скард. Восемь более мелких, а потому баронств: Корг, Отар, Керия, Лудвук, Рогар, Скур, Леорс, Рутан».

** Степная стража, сформированная бароном Когордом — будущим королем, — иррегулярная конница, несколько не уступающая своими боевыми качествами степнякам. На границе баронства Корг стража базировалась в крепостях Овчара, Степной Волк, Орлица и Барс, причем последняя, удаленная в степь, имеет кирпичные укрепления, по факту запрещенные в Рогоре. Расстояние между крепостями заполнены малыми острогами, в степь постоянно отправляются дозоры, а в крепостях дежурят сотни рубак-перехватчиков. А чтобы обойти эдикты о запрете увеличения численности баронских дружин Рогоры, Когорд числит стражей как воинов непостоянных — и действительно, пополнение на кордон забирают лишь на три года, так что стражи числятся обычными, пусть и вооруженными, пашчами. Дружинники самого барона служили лишь десятниками и сотниками.

³ Выдержка из свитков Андруса, придворного летописца-хроника короля Когорда:

«Замок Волчьих Врат^{*} был взят внезапным ночным штурмом вскоре после битвы в Сердце гор и засады в узком ущелье. Группа переодетых шляхтичами всадников приступила дождливой ночью к воротам и представилась гонцами погибшего гетмана юга, князя Разивилла. Как только ворота были открыты, они схватились со стражей, одновременно дав сигнал кирасирам принца Торога, наследника престола, возглавившего штурм крепости. Принц ворвался во внутренний двор внешних укреплений, где две сотни его воинов вступили в схватку с бойцами гарнизона, спешащими к воротам. В конце схватки кирасиры ввиду своей малочисленности были вынуждены отступить к воротам, после чего Торог предпринял попытку захвата соседних башен, когда и был ранен. Но поспевший на выручку с лучшими своими мечниками Вагадар сумел прорваться к внутренним воротам цитадели и занять их, отрезав путь отступления для большей части гарнизона, после чего горцы полностью захватили цитадель. Когда же дождь закончился, стрельцы Рогоры заняли стены и, открыв беспощадный огонь в упор по скупенным во двореке лехам, вынудили их сдаться».

⁴ Выдержка из географического сборника путешественника и писателя Конрада Мазовского:

«Сердце гор — практически идеально ровная долина диаметром пять верст примерно посередине горного прохода — единственного торного пути через Каменный пояс^{**}. Справа ее пересекает река, что низвергается со скал огромным водопадом в чашу озера, окаймленную камнем, и уже из него бежит по долине. Окружающие ее горы у подножия покрыты густым хвойным лесом.

Ранее Сердце гор было местом сбора Совета старейшин горских кланов. Каждое племя, каждый род присылал сюда свою делегацию для обсуждения жизненно важных проблем, и, чтобы

* Выдержка из работы Некара, придворного летописца барона Корга (глава 3):

«Замок Волчьих Врат был построен с северной, «лехской» стороны Каменного предела. Волчьими Вратами укрепление было названо, поскольку торхи, часто называющие себя степными волками, нередко совершали набеги на земли королевства, пройдя через горы. Замок, в дальнейшем расстроившийся в мощную, неприступную твердыню, навсегда перекрыл кочевникам сей путь для набега».

** Каменный пояс (предел) — труднопроходимая горная система между Рогорой и Республикой, населенная воинственными горскими племенами. Преобладают известняковые породы; у его подножия со стороны Республики во множестве произрастает велона — сон-трава, зачастую используемая для приготовления различных снадобий и ядов.

исключить возможные осложнения, горцами был введен строгий запрет на ношение оружия в долине».

⁵ Огнестрельное оружие по типу замков (механизма воспламенения пороха) делится на три типа: фитильное, колесцовое и кремневое. Самые дешевые, простые, но одновременно и непрактичные стволы — фитильные. При нажатии на спусковой крючок тлеющий фитиль, отведенный в сторону, соприкасается с порохом, воспламеняя его. Таким образом, стрелок обязан постоянно поддерживать фитиль в тлеющем состоянии, что если и возможно для пешца, то никак не подходит всаднику.

Вторым типом замка, изобретенным одаренными умельцами Италайи, является колесцовый. Механизм замка заводной, оттого весьма сложен и дорог в производстве, но одновременно с этим никогда не дает осечек. Чаще колесцовые замки ставят на ручные самопалы, но достаются они, как правило, самым знатным и известным воинам.

Оптимальным по цене, дороговизне производства и качеству является кремневый замок, который и используется на производимом в Республике и у ругов огнестрельном оружии. При нажатии на спусковой крючок замок высекает из кремня искру, воспламеняющую порох; но в отличие от колесцовых замков кремневые нередко дают осечку.

⁶ Выдержка из географического сборника путешественника и писателя Конрада Мазовского:

«Курултай — это большой совет степных родов. Для кочевников он является единственным местом переговоров и единственным шансом сплотиться для большого похода, скоординировать свои действия на его время. На курултае торхи* выбирают, в какую

* Торхи — в недалеком прошлом великие торхи, свирепый и жестокий народ, чьи воины признавались лучшими наездниками во всей Окуйене. Однако с гибелью последних членов царского рода Чигиза сей кочевой народ утратил былое влияние, ратную выучку и славу. Немногие города их погибли в пламени междоусобных войн, а вместе с ними исчезли искусные оружейники и прочие мастера. Так, торхи утратили тяжелую латную кавалерию и имеющуюся у них артиллерию (катапульты, трибушеты).

Также итогом междоусобиц в среде кочевников стало полное безвластие и бесконтрольность вождей мелких родов торхов. Ныне кочевники уходят в набег не более чем двумя-тремя родственными тейпами, чья численность не превосходит тысячи всадников. И лишь раз в десяток лет степняки собирают курултай, на котором принимают решение о цели большого похода, а также выбирают походного вождя.

У торхов не так много сословных отличий. Каждый их мужчина — воин, а лучшие воины и командиры небольших отрядов зовутся батырами. Вожди же, вне зависимости от числа собственных бойцов, носят титул багатура.

сторону пойдут и на кого нападут, а главное — походного вождя. Последнее зачастую становится таким камнем преткновения, и потому курултай может длиться несколько седмиц. Причем если кандидаты в вожди не договорятся миром (в понимании кочевников это означает, что гибнет не более пары-другой десятков «спорщиков» из числа воинов), то могут развернуться полноценные боевые действия. Однажды курултай обернулся настоящим побоищем, имевшим своим продолжением длившуюся три года междоусобную войну».

⁷ Выдержка из географического сборника путешественника и писателя Конрада Мазовского:

«Срединные земли — область известного нам мира, Окуйены, заселенная цивилизованными и просвещенными народами. На юге срединные земли граничат с внутренним морем и бескрайней степью (Великий ковыль), на востоке с землями рогов, на юго-востоке с Заурским султанатом, на западе с великим морем, на севере — с холодным морем, за которым лежат также известные нам острова свегов и нурман — прославленных своей свирепостью мореходов и разбойников.

Всего же в срединных землях насчитывается пять государств: Гиштания на юго-западе и Ванзея на западе, Италайя на юге, феодалы (княжества и герцогства) фрязей, подконтрольных союзу торговых городов Лангазы, — в центре и на севере срединных земель, и Республика на севере и востоке.

Правда, руги также относят себя к народам срединных земель... Но кто же будет считать этих варваров за людей цивилизованных и просвещенных?»*

⁸ Выдержка из географического сборника путешественника и писателя Конрада Мазовского:

«Рогора. Предгорный край по южную сторону Каменного предела. Населен народом, родственным частично лехам, частично горским племенам, кровь жителей страны изрядно разбавлена кочевниками, из года в год ее разоряющими.

До Великого похода торхов была независимым государством со стольным градом Белая Кия. После гибели великого князя и ополчения, разоренная и разграбленная Рогора значительно сократилась в размерах, уступив степнякам многие территории, удобные для кочевья. Сегодня земля ее оскудела, жители живут в нищете и постоянном страхе набегов торхов».

* Текст сборника выложен в первоначальном варианте с пометками автора.

⁹ Выдержка из географического сборника путешественника и писателя Конрада Мазовского:

«Гетманство в Республике — часть его территориального деления. В государстве насчитывается четыре гетманства: северное, южное, западное и восточное. Центральные земли Республики исконно являются личными владениями короля. Во главе каждого из них стоит польный гетман.

Польный гетман — одна из высших сановных должностей республики, они наделены правом собирать налоги, судить, казнить и даже вести боевые действия. В военное время польный гетман собирает под свое знамя дворянские хоругви*, кроме того, в его распоряжении имеется крупный отряд элитной королевской кавалерии — крылатых гусар и некоторое количество артиллерии.

¹⁰ К м е т — крестьянин по-лехски. В последние годы в Республике это определение стало синонимом бедняка.

¹¹ Ш л я х т а — дворянское сословие в Республике.

¹² Выдержка из свитков Андруса, придворного летописца-хроника короля Когорда:

«Битва у Каменного пояса стала решающим сражением войны за независимость Рогоры. Объединенной армии королевства и походной орды торхов, насчитывающих вместе двадцать тысяч воинов, противостояло огромное войско лехов, вдвое превосходящее силы короля. Когорд решил провести оборонительное сражение, перекрыв узкую горловину дороги, ведущей к горному проходу, тремя земляными фортами**.

Напряжение двухдневной битвы было колоссальным, военное счастье не раз переходило из рук в руки. Но король умело использовал наличие укреплений-фортов, легкая артиллерия и стрельцы вели убийственный огонь в упор, когда противник втягивался в дефиле между ними. В решающий момент

* Х о р у г в ь — от лехского «знамя» — имеет также значение воинского отряда, подчиняющегося конкретному шляхтичу. Последний собирает воинов под собственным стягом во время формирования и под ним же ведет в бой. Численность хоругви не определена и зависит от финансовых и земельных ресурсов шляхтича, а потому может достигать и пары десятков, и нескольких сотен воинов.

** Ф о р т — замкнутое полевое укрепление, в том числе земляное или деревоземляное, с обязательным валом и рвом. Может представлять собой замкнутый четырехугольник, развернутый к противнику острым углом, может иметь овальную форму.

битвы, когда леги бросили в бой гусарию*, Когорд был вынужден лично вести в бой собственных телохранителей, чтобы хоть ненадолго задержать врага и дать стрельцам время занять позицию.

Торхи же в этой битве проявили себя с худшей стороны. Когда король бросил кочевников в атаку на левом фланге, их тут же встречной атакой смяло шляхетское конное ополчение. И, нарушив приказ, большинство кочевников бросилось бежать — но свободного пути для отступления не было, кочевники смешали бы порядки рогорцев. И тогда рейтары** открыли огонь по вчераш-

* Г у с а р я — общее название элитного рода войск Республики, крылатых гусар. Представляют собой латную конницу, вооруженную саблями или *палашами* и дополнительным клинком — *кончаром*, пикой длиной шесть шагов и парой дальнобойных самопалов. Обладают очень высокими боевыми качествами, в бою дисциплинированы, зачастую атакуют строем, ровными шеренгами. Разрядив один самопал во врага, сбиваются в ударный кулак и наносят таранный удар в копье на сравнительно узком фронте, зачастую проламывая строй противника.

Палаш — тяжелый и длинный кавалерийский клинок со слегка искривленным лезвием и односторонней заточкой. Палашом можно наносить как сильные рубящие, так и колющие удары.

Кончар — длинный прямой, трехгранный или четырехгранный клинок, чрезвычайно прочный и обладающий потрясающим проникающим действием. Это колющее оружие было заимствовано у торхов и с успехом применялось против закованных в тяжелые латы всадников: кончар легко поражает уязвимые стыки самых прочных доспехов и вполне способен пробить средний доспех — кольчугу или единственную кирасу. Обычно применяется как парное оружие всадника вместе с палашом, саблей или шпагой, однако может использоваться и как самостоятельное оружие. Схватка с применением кончаров довольно близка к фехтованию на рапирах.

Прозвище «крылатые» получили за конструкцию из дерева и орлиных перьев, что крепится за спиной и действительно напоминает крылья огромной птицы. Подобное «украшение» леги переняли у улан Заурского султаната — но последние не имеют доспеха и крепят перья также и на щиты.

Оружие, латный доспех и «крылья» стоят дорого, а сама служба в гусарии, своеобразной гвардии Республики, очень престижна, поэтому попасть в их ряды может позволить себе далеко не каждый шляхтич. Как правило, гусария формируется из отпрысков наиболее привилегированных и состоятельных дворянских родов.

** Р е й т а р ы — латные всадники, сменившие рыцарскую кавалерию. Изначально новый род войск сформировался при торговом союзе Лангазы, что щедро платил бывалым кавалеристам, снабжая их также необходимым вооружением (в первую очередь палашом или тяжелой шпагой, и кончаром, а также неизменной парой ручных самопалов). Рейтары потребовались купцам для прикрытия многочисленных торговых караванов, что нередко подвергались нападениям со стороны доживающего свой век фряжского рыцарства, переродившегося в свирепых разбойников.

Новый вид кавалерии, хорошо подготовленной и дисциплинированной, закованной в облегченные латы и вооруженной огнестрельным оружием, ока-

ним союзникам — приказ короля, предвидевшего подобный поворот боя, бы передан заранее.

К чести Шагира-багатура, он с немногими воинами собственного кочевья продолжил битву и отступил, сохранив полный порядок, яростно рубясь с лехами. Бежавшие торхи фактически слушались приказа походного вождя, избранного курултаем».

¹³ Одно из самоназваний торхов, наравне со «всадниками степи», звучит как шерха-рахан — «степные волки». А успешно противостоящие им конные и пешие бойцы степной стражи, освоившие воинские приемы «волков» в бесчисленных схватках с ними, получили от степняков имя рейха-архан — «стая волкодавов». Жители же баронства чаще называют стражей просто и уважительно «волкодавами».

¹⁴ П р и н ц - к о н с о р т — член королевской семьи без права наследования престола; как правило, это муж одной из принцесс, реже — супруг правящей королевы.

¹⁵ А р у г — с рогорского: стремительный.

¹⁶ П и к и н е р ы — отдельный род пеших войск, созданный еще горцами Итальянского хребта во время войны за собственную независимость. На деле во многом повторяет собой боевые порядки румских легионов и грецких фаланг. В бою пикинеры зачастую строятся в баталии — прямоугольники или квадраты копейщиков со значительным числом шеренг. Пикинеры превосходно показали себя в схватках с рыцарской конницей на закате ее применения, но в дальнейшем продемонстрировали высокую

зался не по зубам архаичным рыцарям в тяжелых доспехах, все еще пытавшимся выиграть битву одним лишь копейным ударом. Вскоре рейтары стали одним из самых популярных родов войск не только в феодах фрязей, но и во всех срединных землях.

Рейтар часто путают с кирасирами — и из-за типа вооружения, и из-за однообразности доспехов. По первости отличие между ними сводилось лишь к происхождению всадников: в кирасиры зачастую шли разорившиеся дворяне, обеспечивающие себя вооружением и снаряжением хотя бы частично и оттого имевшие большее жалованье. В рейтары же мог попасть хоть самый подлый простолудин — была бы выучка, а доспех, скакуна и оружие приобретет наниматель.

Но вскоре появились разительные отличия в тактике: рейтары в большинстве своем предпочитают расстреливать своего противника с места, построившись в линию, состоящую из нескольких стройных шеренг. Наиболее эффективна такая тактика против пикинеров. Кирасиры же предпочитают, дав залп в упор, тут же врубиться в ряды противника, перед самой атакой сжимаясь в мощный ударный кулак.

уязвимость от любых видов метательного оружия, в особенности же от огнестрелов. Тем не менее за счет дешевизны вооружения, относительной простоты обучения и высокой эффективности в ближнем бою пикинерская фаланга сохранилась в рядах наемников-ландскнехтов, однако в бою ее неизменно прикрывают аркебузуры.

На марше пикинеры следуют ровными колоннами, сохраняя строй и равнение, а на привалах ограждают свои становища вагенбургом*, обезопасив себя, таким образом, от ночного нападения.

¹⁷ **Б а с т и о н** — вид укреплений, появившийся в эпоху развития огнестрельного оружия и артиллерии. Обычно возводится на углах крепости и имеет пять сторон, что позволяет вести эффективный огонь как по фронту, так и по флангам укрепления.

Равелин — замкнутое треугольное укрепление, зачастую используемое для прикрытия ворот; в таком случае они находятся за его задней стенкой. Связь с крепостью может осуществляться как по навесным, так и разводным мостам. Фактически равелин первым принимает на себя удар врага.

¹⁸ **Р е с п у б л и к а** — государство на востоке срединных земель; сложилось из добровольного слияния Лехского королевства и Великого княжества ливов. Последнее стало возможным благодаря тому, что государствами правили родные братья. Великий князь не оставил потомства, и, таким образом, наследник короля стал также и наследником княжества, объединив под своей властью оба государства. Именно дата провозглашения Республики принята отчетной датой летосчисления лехов.

Республика известна своей необычной формой правления: не смотря на то что во главе ее стоит король, фактически страной правит сейм, состоящий из представителей самой родовой шляхты, что может или одобрить, или заблокировать любое королевское решение, вплоть до объявления войны. И именно сейм, а не король, обладает реальным юридическим правом объявить «посполитое рушение» — общий сбор войск государства с призывом всех без исключения шляхтичей на войну.

* **Вагенбург** — форма походного укрепления, когда воинская стоянка окружается сцепленными между собой повозками. Вагенбург придумка рогов (последние называют его гуляй-город), а более популярное в срединных землях название укреплению дали фрязи.

Вагенбург нельзя назвать полноценной крепостью, но в то же время он отлично подходит для обороны против конницы или для быстрого укрепления воинской стоянки — так чтобы противник не мог внезапно напасть, в том числе ночью.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. ЦЕНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА	18
Часть вторая. ПЛАМЯ ВОЙНЫ	77
Часть третья. РАСПЛАТА	213
П р и м е ч а н и я	263